

16. Русское литературное ударение и произношение: опыт словаря-справочника: ок. 50000 слов / сост. В. Л. Воронцова и др.; под ред. Р. И. Аванесова, С. И. Ожегова. М.: ГИС, 1955. 580 с.

17. Русское словесное ударение. Словарь нарицательных имён [Электронный ресурс] / авт.-сост. М. В. Зарва. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/zarva/>

18. Шанский Н. М., Иванов В. В. Современный русский язык: в 3 ч. Ч. 1: Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография. М., 1987.

УДК 81-114

Л. В. Балакина (Смоленск, Россия)
Смоленский государственный университет

Образ мужчины и женщины в русскоязычной прозе

Статья посвящена вопросу изучения гендерных стереотипов, т.е. стандартизированных представлений о моделях поведения и чертах характера, соответствующих понятиям «мужское» и «женское», в текстах русскоязычной художественной литературы. На языковом материале рассказов, в которых описывается повседневная жизнь обычного человека, в статье предпринята попытка реконструировать совокупный образ мужчины и женщины путем анализа глаголов, соотносимых с героями и героинями рассматриваемых художественных произведений.

Ключевые слова: гендер, художественная литература, феминность, маскулинность, гендерные стереотипы

Современная гуманитарная наука характеризуется интенсивным развитием новых смежных направлений с целью изучения различных явлений, связанных с человеком. Особое место занимают гендерные исследования, рассматривающие социальные последствия природного, естественного разделения людей на мужчин и женщин, их отличительные особенности на уровне сознания, обусловленные социализацией и проявляющиеся в поведении мужчин и женщин. Гендерные исследования позволяют выявить, какие ценности, нормы, социальные стандарты в отношении мужчин и женщин доминируют в обществе и каким образом гендерные стереотипы влияют на поведение, характер и мировоззрение человека.

Богатый материал для познания гендера лингвистическими методами представляет художественная литература как отражение творчески и концептуально переосмысленной автором действительности, в том числе принятых в данной культуре стандартизированных представлений о моделях поведения и чертах характера, соответствующих понятиям «мужское» и «женское». Изучение гендерных стереотипов в художественной литературе представляется значимым и актуальным, поскольку они не только отражают и транслируют опре-

деленные психологические качества, свойства личности и способы социального поведения, традиционно считающиеся в обществе «мужскими» или «женскими», но и в скрытой форме влияют на подсознание людей и являются мощными регуляторами поведения мужчин и женщин в обществе.

В качестве материала исследования мы выбрали 20 русскоязычных рассказов, рассматривающих проблемы обычного человека в повседневной обстановке. Представляется интересным вывести по данным отобранных нами рассказов совокупный образ мужчины и женщины и посмотреть, насколько эти образы обнаруживают стереотипные характеристики либо, напротив, отражают динамику типичных представлений о мужественности и женственности. Для этого мы фиксировали все глаголы, обозначающие действия, производимые мужчинами и женщинами – героями рассказов, и их состояния. За основу была взята идеографическая классификация Л. Г. Бабенко [2].

Выбор именно этой части речи не случаен. «Человек мыслится в русской языковой картине мира... прежде всего как динамичное деятельное существо. Он выполняет три различных типа действий – физические, интеллектуальные и речевые. С другой стороны, ему свойственны определенные состояния – восприятие, желания, знания, мнения, эмоции и т.п. Наконец, он определенным образом реагирует на внешние или внутренние воздействия» [1, с. 39–40]. Человека характеризуют, таким образом, производимые им действия и испытываемые состояния. Сравнение глаголов, обозначающих действия и состояния мужчин и женщин – героев рассказов, является, по сути, сравнением их характеристик. Сопоставительный анализ творчества писателей и писательниц позволяет увидеть героев и героинь рассказов глазами авторов – мужчин и женщин – и обнаружить сходство и различие в этих представлениях.

По данным, полученным на основе анализа текстов, *глаголы движения* несколько чаще сочетаются с именами существительными и местоимениями, обозначающими лиц мужского пола.

С одной стороны, это может говорить в некоторой степени о большей активности героев-мужчин: их жизнь полна изменений, производимых ими сами; она не стоит на месте, так как мужчины активно осваивают жизненное пространство, часто меняя свое местоположение. (Наибольшая разница в показателях обнаруживается в подгруппе глаголов однонаправленного движения, ориентированного относительно исходного и конечного пунктов, и в подгруппе глаголов изменения положения субъекта.)

С другой стороны, этот факт может быть обусловлен не столько особенностями героев рассказов, сколько спецификой авторского повествования. Отметим, что количество глаголов движения в мужских текстах больше, чем в женских. Число героев-мужчин в мужских текстах также больше, чем женщин. Большее количество глаголов движения связано не только и, может быть, не

столько с активностью героев, сколько с авторской манерой развития сюжета: упор делается на движение в реальном, внешнем мире.

Глаголы перемещения и помещения объекта в большей степени сочетаются с именами существительными и местоимениями, обозначающими лиц женского пола. Если деятельность мужчин более субъектна, то деятельность женщин более объектна, она направлена на кого-либо или на что-либо. И мужчинами, и женщинами женщины часто описываются в быту, а быт связан для женщины с определенным набором обязанностей, которые предполагают различные манипуляции с предметами. Бóльшая детализация при описании обычных действий женщин обуславливает употребление большего числа глаголов данной группы.

Ожидаемым оказался результат использования *глаголов одевания, раздевания и ношения одежды*: эти действия почти в два раза чаще относятся к лицам женского пола. Традиционно считается, что внешность женщины является едва ли не главным ее достоинством, этим обусловлено внимание к малейшим изменениям в данной сфере. При этом наибольшие и наипростейшие возможности изменений предоставляет именно одежда, что логично объясняет ее значимость для женщины.

Действия, обозначаемые *глаголами физического воздействия на объект*, в том числе отрицательного, часто с применением силы (нанесение удара, давления, повреждения), чаще приписываются мужчинам. Они характеризуют мужчин как более сильных, крепких, иногда агрессивных (например, толкнуть, стукнуть, исполосовать кого-л. и т.п.).

Глаголы восприятия встречаются довольно часто в сочетании с лицами и мужского, и женского пола (немного чаще все-таки с женщинами). В обеих группах преобладают глаголы зрительного восприятия. Однако если сравнить глаголы слухового восприятия, то чаще они характеризуют восприятие женщин, особенно в форме 1-го лица.

Восприятие может происходить, как известно, само по себе, без прикладывания волевых усилий со стороны воспринимающего субъекта, а также может быть целенаправленным, происходить в результате акта воли. В любом случае, осознанно или неосознанно, именно через восприятие человек получает всю информацию о мире. Большое количество глаголов восприятия может свидетельствовать об открытости человека, в данном случае – о большей открытости женщины окружающей ее действительности. Восприятие является первой ступенькой на пути познания мира, его осмысления. Интересно, что *глаголы познания* (знать, изучать и т.п.) и *глаголы мышления* (думать, вспоминать и т.п.) также чаще относятся к словам, обозначающим лиц женского пола. Женщины изображаются, таким образом, как существа, более открытые всему новому, неизвестному, стремящиеся к познанию и активному осмыслению окружающей их действительности. Также отмечается бóльшая сочетаемость с существительными и местоимениями женского пола группы *глаголов открытия* вообще

(вскрыть, отворить, отдернуть и т.п.), обозначающих, очевидно, начальный этап на пути освоения неизвестного.

Более чем в два раза чаще героини рассказов прибегают к *предположениям, воображению* чего-то нереального либо еще не наступившего, что обнаруживает соответствующая группа глаголов.

В группе *глаголов речевой деятельности* наблюдается следующая картина. Глаголы характеризованной речевой деятельности не обнаруживают сколь угодно значимых различий ни количественного, ни качественного характера. Глаголы, характеризующие речь героев рассказов – мужчин и женщин, отражают в основном неуверенность, неразборчивость речевого высказывания (лепетать, бормотать, жаловаться, плести и т.п.). Таким образом, типичное представление о том, что женщины чувствуют себя более неуверенно в сравнении с мужчинами, а те, напротив, ощущают себя «хозяевами положения», не подтверждается на страницах рассказов. Однако другое известное утверждение – о том, что мужчины в беседах более ориентированы на себя, стремятся в первую очередь довести до собеседника свою позицию, а другие их, как правило, не интересуют, – находит свое подтверждение. *Глаголы речевого сообщения* чаще используются мужчинами, женщины же, как более ориентированные на собеседника и на выработку компромисса, исходят из необходимости поддержания диалога, чаще употребляя *глаголы речевого общения*, а также *глаголы речевого воздействия*, в числе которых преобладают глаголы мягкого, осторожного воздействия на собеседника (просить, взмолиться, уговаривать, стыдить и т.п.).

Глаголы социальной деятельности (прежде всего общественной) чаще характеризуют действия женщин, нежели мужчин. При этом для женщины важна этическая оценка поступков и поведения людей, а также своих собственных, которая нередко содержится в глаголах, относящихся к данной тематической группе.

Заслуживает внимания тот факт, что *глаголы профессионально-трудовой деятельности* практически одинаково часто употребляются для описания деятельности мужчин и женщин, что говорит, по нашему мнению, о возрастании роли профессиональной деятельности женщин. Эти изменения в ценностных установках фиксируются авторами рассказов. Гораздо более частотными для женщины являются *глаголы, обозначающие действия, связанные с осуществлением домашней работы*: наведением чистоты и порядка, стиркой, приготовлением пищи. Социальная роль хозяйки дома по-прежнему остается для женщины «ее ролью», выполнение домашних обязанностей все еще устойчиво ассоциируется именно с женщиной.

Как в речи, так и в своем поведении мужчина ориентируется прежде всего на себя, свои интересы, мнения, ценностные установки. Столкновение с другими, отличными от него позициями вызывает активное неприятие, что выражается, в частности, в использовании *глаголов противодействия*.

Явные различия наблюдаются в употреблении *глаголов бытия*: начало существования, события, действия гораздо чаще сочетается с героинями рассказов, глаголы прекращения действия, бытия, состояния чаще характеризуют, напротив, действия мужчин. По-видимому, это объясняется тем, что женщин интересует сам процесс, в особенности его начало как соприкосновение с той неизвестностью, которая вызывает естественный интерес. Для мужчин более важен конечный результат, а не сам процесс, поэтому они в большей степени ориентированы на его скорейшее завершение. Глаголы бытия используются в сочетании с референтами женского пола в 3 раза чаще. Это связано, по всей вероятности, с темами рассказов. Нередко объектом изображения и размышления является жизнь женщины, поиск ею своего места в жизни, проблема самоидентификации.

Следующей группой, обнаруживающей значительные расхождения в частоте употребления, являются *глаголы эмоционального состояния*, особенно глаголы пребывания субъекта и становления эмоционального состояния. Многочисленные исследования говорят о том, что женщины являются более эмоциональными, – такими они и изображаются в рассказах. Героини рассказов чаще испытывают чувство любви, а также страха, беспокойства, волнения, кроме того, чувство злости и возмущения. Мужчины – герои рассказов чаще женщин испытывают лишь состояние радости. Что касается внешнего проявления отношения к кому-либо, чему-либо, то оно в большей степени характерно для женщин, что отражает типичные представления о женщине как о более эмоциональном существе. Зато глаголы физиологического состояния чаще характеризуют мужчин.

Как и предполагалось, с действующими лицами женского пола чаще всего соотносятся *глаголы контакта*. Традиционно женщин ориентируют на общение, и они с детства усваивают значимость межличностных отношений. Они более расположены к контакту с людьми и производят соответствующие действия.

В группе *глаголов социальных отношений* значимые расхождения в частоте употребления обнаруживают *глаголы влияния*. Герои рассказов – мужчины изображаются стереотипно как стремящиеся оказывать и оказывающие влияние на окружающих.

Анализ глаголов, характеризующих мужчин и женщин, обнаруживает, как мы видим, большей частью типичные представления. Мужчины предстают как более активные, стремящиеся оказывать влияние на других людей, иногда вплоть до применения силы, в общении они более ориентированы на себя, чем на собеседника. Женщины изображаются традиционно как более эмоциональные, своих эмоций они не скрывают; нередко просматривается склонность женщин жить в нереальном мире: воображать, мечтать, представлять. Их характеризует также ориентация на важность эмоциональных отношений, желание установить контакт с окружающими, стремление к диалогу. Доминирующей социальной ролью женщины остается роль хозяйки дома с соответствующей

шим набором домашних обязанностей. Значимой характеристикой женщины по-прежнему является ее внешность.

Вместе с тем можно выделить и в некоторой степени нетипичные черты, которые обнаруживают либо динамику гендерных стереотипов, либо особые черты «русской женственности». В первую очередь обратим внимание на тот факт, что упоминание о профессиональной деятельности одинаково часто связано с образами и мужчин, и женщин: действительно, начиная с советских времен, женщинам не нужно было отстаивать право на труд, они имели возможность работать и работали наравне с мужчинами. Другим интересным фактом является то, что некоторые группы глаголов интеллектуальной деятельности (мышления, познания) сочетаются чаще со словами, обозначающими лиц женского пола, характеризуя их, вопреки типичным представлениям о женском «коротком уме», как стремящихся и способных к познанию и мышлению.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.

2. Бабенко Л. Г. Большой толковый словарь русских глаголов. М.: АСТ-Пресс, 2008. 576 с.

Список рассказов

1. Буйда Ю. Степа Марат // Новый мир. 2001. № 4. С. 70–74.

2. Вишневецкая М. Цветок маренго // Октябрь. 1999. № 8. С. 98–104.

3. Горланова Н. Закажите молебен просительный // Новый мир. 2002. № 9. С. 117–120.

4. Гостева А. Потерянная фото пленка // Октябрь. 1999. № 10. С. 128–132.

5. Екимов Б. Смертельно // Новый мир. 2001. № 5. С. 105–109.

6. Зорин Л. Визитная карточка // Новый мир. 2001. № 2. С. 83–86.

7. Кантор В. Стоп-кран // Октябрь. 1995. № 4. С. 165–170.

8. Лавришко В. Царь горы // Октябрь. 1994. № 4. С. 129–132.

9. Лосева М. Тараканы // Новый мир. 2002. № 7. С. 99–104.

10. Матвеева А. Остров Святой Елены // Новый мир. 2001. № 3. С. 113–120.

11. Муравьева И. Ананасы в шампанском // Октябрь. 1994. № 3. С. 85–89.

12. Павлов О. Запой, или Сказка о последнем казаке // Октябрь. 1999. № 5. С. 78–82.

13. Петров Г. Отравительница Брошкина // Октябрь. 1995. № 3. С. 123–131.

14. Петрушевская Л. Незрелые ягоды крыжовника // Октябрь. 1999. № 5. С. 10–18.

15. Полянская И. Снимок // Знамя. 2003. № 1. С. 25–27.

16. Рубина Д. Волшебные сказки Шарля Перро // Новый мир. 2003. № 1. С. 107–112.

17. Слаповский А. Герой Анисимов // Новый мир. 2002. № 12. С. 100–101.

18. Смирнов А. Пьяница // Новый мир. 2001. № 10. С. 104–108.

19. Улицкая Л. Гуля // Октябрь. 1994. № 2. С. 8–14.

20. Шкловский Е. Менеджер и Милка // Октябрь. 1999. № 7. С. 89–93.